

ПОД РЕДАКЦИЕЙ А.Н. САХАРОВА

ИСТОРИЯ РОССИИ

ОТ КРАХА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ДО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Подлинная история России

Андрей Сахаров

**История России. От краха
Российской империи
до современной России**

«Издательство АСТ»

2026

УДК 94(470+571)"19/20"

ББК 63.3(2)6

Сахаров А. Н.

История России. От краха Российской империи до современной России / А. Н. Сахаров — «Издательство АСТ», 2026 — (Подлинная история России)

ISBN 978-5-17-180606-4

«История России. От краха Российской империи до современной России» — заключительный том, включающий IX–XI разделы из фундаментального труда под редакцией доктора исторических наук, профессора А. Н. Сахарова, и следующий после «Истории России. С древнейших времен до Смутного времени», «Истории России. От первых Романовых до Павла I» и «Истории России. От Александра I до Николая II». Настоящий том охватывает драматичную историю страны в XX веке, начиная с великих потрясений начала столетия и заканчивая формированием современной Российской Федерации. В книге последовательно рассматриваются такие ключевые события, как Первая мировая война, революционные события 1917 года и последовавшая за ними Гражданская война. Подробно освещаются этапы строительства советского государства: от НЭПа и создания СССР до сталинской модернизации, тяжелейших испытаний Великой Отечественной войны и послевоенного возрождения. Отдельное внимание уделено периоду «хрущевской оттепели» с ее попытками либерализации, а также эпохе «развитого социализма», которая характеризовалась нарастанием системных проблем. Заключительные главы посвящены анализу «перестройки», распаду Советского Союза и сложному процессу становления новой России. Таким образом, издание представляет собой комплексное исследование, позволяющее понять основные процессы, которые легли в основу современной российской государственности. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(470+571)"19/20"

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-17-180606-4

© Сахаров А. Н., 2026

© Издательство АСТ, 2026

Содержание

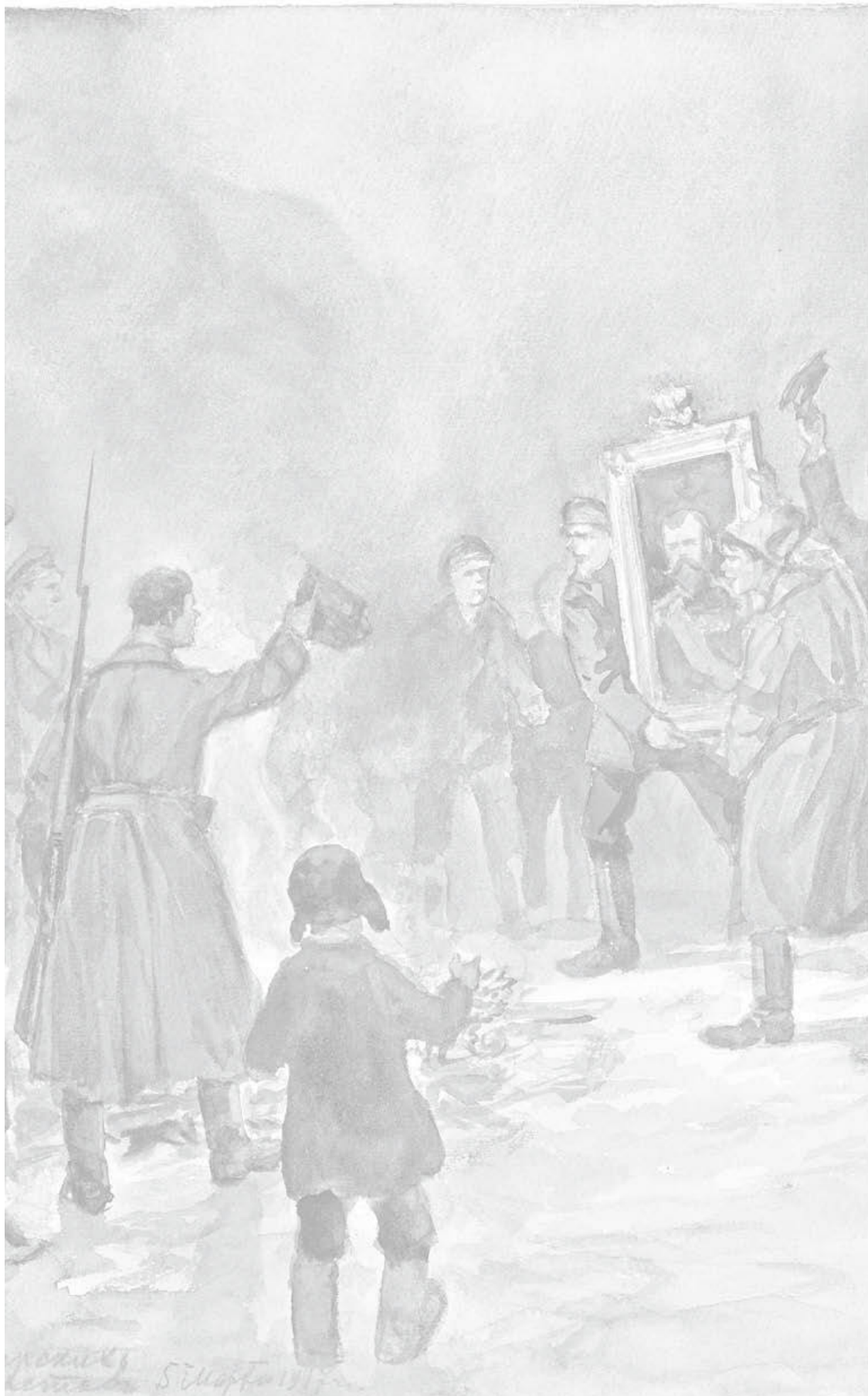
Раздел IX. Россия в период великих потрясений	7
Глава 56. Россия в Первой мировой войне	8
§ 1. Система международных союзов. «Балканский узел»	8
§ 2. Начало мировой войны. Ход военных действий	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

А. Н. Сахаров, В. А. Шестаков
История России. От краха Российской
империи до современной России

© В. А. Шестаков, А. Н. Сахаров, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Раздел IX. Россия в период великих потрясений

Глава 56. Россия в Первой мировой войне

§ 1. Система международных союзов. «Балканский узел»

В начале XX в. среди ведущих мировых держав все явственней обозначивались контуры военно-стратегических союзов. Второстепенные противоречия отходили на задний план, и в мировой политике начинали доминировать коренные имперские интересы и генеральные цели. Так как главные мировые события в тот период непосредственно замыкались на Париже, Лондоне, Берлине, Петербурге, то отношения между этими четырьмя странами и определяли общую геополитическую ситуацию.

Неприязнь между Лондоном и Берлином не только не уменьшалась, но и приобрела непреодолимый характер. При наличии системы военно-стратегических блоков – «Тройственного союза» и русско-французского союза – оставаться и дальше в состоянии «блестящего одиночества» Великобритании становилось все труднее. Ее островное положение уже не гарантировало безопасность в случае военного столкновения в Европе, а мощное наращивание вооружений Германией, в том числе и создание сильного военно-морского флота, делало старые географические преимущества призрачными.

В начале века Великобритании и Франции удалось преодолеть существовавшие разногласия и заключить союзническое соглашение. Это открывало возможность сблизить позиции между Лондоном и Петербургом, хотя подобного достичь было значительно сложнее, чем между Лондоном и Парижем. В подобном развитии были заинтересованы обе стороны, и преодоление старых антипатий и предубеждений делалось для двух стран действительно необходимым.

В 1906 г. начались дипломатические переговоры между Россией и Великобританией с целью урегулировать наиболее острые разногласия между двумя империями – в Азии. Они тянулись год, и весной 1907 г. появились сообщения в прессе, что стороны близки к достижению соглашения. Во Франции эта новость вызвала радость, в Германии – разочарование и недовольство.

Договор между Россией и Великобританией был подписан 18 (31) августа 1907 г. Эпоха враждебного отчуждения подходила к концу. Две страны вступали в новую полосу в своих отношениях. Англия отказывалась от прав на Тибет (формально находившийся в составе Китая, но фактически состоявший в полном подчинении англичан). Обе страны признавали в этом районе суверенитет Китая. Россия отказывалась от притязаний на Афганистан; обе державы обязывались уважать неприкосновенность и независимость этого государства. Третьим важным пунктом разграничения интересов была Персия (Иран). Россия и Великобритания делили эту страну на три сферы влияния: северная часть признавалась сферой коммерческих и стратегических интересов России, восточная – Великобритании, а центральная часть оставалась нейтральной зоной. Одновременно Лондон и Петербург брали на себя обязательства гарантировать целостность и неприкосновенность Персии.

К концу 1907 г. уже определенно обозначилась геополитическая коалиция, включавшая Францию, Россию и Англию. Она получила название «Тройственного соглашения» («Антанта»). Хотя между Петербургом и Лондоном не было заключено военной конвенции, но достигнутая договоренность сближала позиции двух стран. Это особенно проявлялось в Европе, где их интересы все ближе и ближе смыкались перед угрозой германского гегемонизма.

В 1908 г. в отношениях между Лондоном и Петербургом произошло еще одно важное событие: с официальным визитом в Россию прибыл английский король Эдуард VII (сын покой-

ной королевы Виктории). Это был первый за всю историю визит английского монарха в Россию (второй визит состоялся лишь в 1994 г., когда Россию посетила королева Елизавета II).

Поездка долго обсуждалась в Великобритании, и реакция на нее не была однозначной. Либеральное общественное мнение считало подобный визит неуместным, так как согласно непререкаемому либеральному канону Россия находилась «во власти деспотии» и «Его Величеству» не следует демонстрировать свои симпатии. Никто не ставил под сомнение возможность поддержания родственных связей между правящими династиями. Вдовствующая русская царица Мария Федоровна приходилась сестрой английской королеве Александре (супруге Эдуарда VII), а супругой Николая II была внучка королевы Виктории. Сам же русский царь приходился племянником королю Эдуарду VII и двоюродным братом королю (с 1910 г.) Георгу V.

В конце концов была изобретена такая форма визита, которая хоть и могла рассматриваться нежелательной в России, но в Англии ее трудно было оспорить. Встреча между королем и царем состоялась в Ревеле (Таллине). Точнее говоря, не в самом городе, а на рейде револьского порта, в территориальных водах России. Собственно на землю король и королева так и не ступили. Все переговоры происходили на королевской и на царской яхтах.

Монархи впервые обсуждали возможность войны с Германией. Англичане призывали царя укрепить военные позиции и готовиться к предстоящей схватке. Но такая перспектива русской стороной не считалась единственно возможной. В России были уверены, что войны можно избежать, разрешая возникающие противоречия дипломатическими средствами. Хотя разногласия оставались, но в заключительном коммюнике обе стороны заявили о полном совпадении взглядов «по всем международным вопросам». Укрепление отношений с Британией стало важнейшим приоритетом внешней политики России. Давая аудиенцию английскому послу Дж. Бьюкенену, император заявил: «Я могу только сказать Вам, как говорил часто и раньше, что мое единственное желание – это прочная дружба с Англией, и я сделаю все зависящее от меня, чтобы ничто не помешало теснейшему согласию между нашими странами».

Заключая союзническое соглашение с Францией и договор с Англией, в России отнюдь не склонны были демонстрировать враждебное отношение к другим державам, и прежде всего по адресу Германии. Отношения между Берлином и Петербургом оставались в центре внимания российской дипломатии, а все, что касалось этой темы, находилось под неусыпным контролем самого царя.

Потом, когда случались и мировая война, и последующие социальные потрясения, и в России, и в Германии много размышляли о том, почему же все-таки две монархии, связанные общностью исторической судьбы, родственно-династическими связями, тесными торговыми отношениями, оказались по разные стороны фронтовой линии. Тем более что никаких прямых противоречий, территориальных претензий друг к другу у них не было. При том, что и в Берлине, и в Петербурге прекрасно понимали, что возможное военное столкновение между Россией и Германией чревато тяжелыми последствиями для обеих стран.

Либералы в России ратовали за тесные отношения с Англией и Францией, считая, что в этом залог укрепления и развития «парламентаризма» и «демократии», видя в любом сближении с Германией лишь «проявление реакционного курса». В то же время консерваторы отстаивали идею союза с Берлином, полагая, что именно таким путем можно укрепить монархическую идею и консервативные тенденции в Европе и в России. В таких утверждениях была своя правда. Тем сложнее понять коллизию, почему последние цари, являясь в общем-то носителями консервативных представлений, последовательно поддерживали союз с республиканской Францией, а позднее прилагали немало усилий для сближения с Великобританией, где власть монарха во многом носила номинальный характер и где были очень сильны антирусские настроения.

Ответ может быть только один: политическая целесообразность. Она диктовала курс, отвечающий интересам Российской империи, как их понимали, формировали и отстаивали в российских коридорах власти. Именно подобная политика заставила Россию недвусмысленно выступить в поддержку Франции, когда в 80-е гг. XIX в. германский канцлер О. Бисмарк, неудовлетворенный до конца результатами франко-прусской войны 1870 г., вынашивал планы «добить исконного врага Германии». Именно позиция России спасла тогда Францию от нового, еще более мощного удара восточного соседа, хотя между Россией и Францией в тот период не было никаких союзнических соглашений.

Сложный рисунок отношений между Россией и Германией и в XIX в., и особенно в начале XX в. обуславливался различными факторами. В создании атмосферы сначала отчуждения, а потом плохо скрываемой вражды и, наконец, военного противостояния сыграли свою роль различные причины, и одна из главных среди них – личные отношения между последним царем и кайзером.

Вильгельм II, еще до того как стать королем Пруссии и императором Германии, пользовался незавидной репутацией среди родственников. Бабушка, английская королева Виктория, относилась к нему с плохо скрываемой антипатией. Его же мать, германская императрица Виктория (супруга германского кронпринца, затем императора Фридриха III, урожденная английская принцесса Виктория-Фредерика, дочь королевы Виктории), просто ненавидела сына и нередко публично демонстрировала свои чувства. Его считали бездушным, сумасбродом, солдафоном, человеком, способным на низость.

В поступках и поведении Вильгельма трудно было разглядеть то, что свидетельствовало бы о соответствующем его положению воспитании. Хотя он являлся безусловно образованным человеком, но светские манеры ему всегда были в тягость. Формируясь в атмосфере нелюбви, принц с ранней молодости стал замкнутым, порой нелюдимым, а его самолюбие и амбиции приобрели просто болезненные формы. Когда в 1918 г. в Германии свершилась революция и кайзер бежал в Голландию, то на его родине появились утверждения о том, что он «был психически больным человеком». Но подобное умозаключение вряд ли отражало истинное положение вещей.

Обо всех чертах личности «повелителя Германии» цари и их ближайшее окружение прекрасно были осведомлены. И если Александр III как человек более резкий не очень скрывал свое нерасположение к прусскому родственнику (хотя ему приходилось с ним встречаться и даже принимать один раз у себя уже в качестве императора), то Николай II придерживался иной линии поведения.

У них была заметная разница в возрасте: Вильгельм родился в 1859 г., Николай – в 1868 г. Они познакомились еще тогда, когда в России на троне находился Александр III, а в Германии – Вильгельм I (дедушка Вильгельма II). Разность в темпераменте и несхожесть манер не сделали русского цесаревича и германского принца друзьями, но у них установились доверительные отношения, сохранявшиеся долгие годы. Они писали друг другу письма, значительная часть которых была потом опубликована.

По восшествии на престол Николая II германский император вознамерился играть роль «старшего брата» и ментора при молодом русском царе. «Друг Вилли» регулярно корреспондировал «дорогому Ники», использовал любой повод для личной встречи и всегда давал советы, делал оценки, предлагал решения. Царя и царицу раздражали манера общения, навязчиво-назидательный тон речей и посланий кайзера, как и их содержание.

Александра Федоровна с ранней юности питала стойкую, почти физическую неприязнь к своему кузену и всячески избегала любых встреч и контактов с ним. Ирония же судьбы состояла в том, что во время Первой мировой войны именно ее, ненавистницу кайзера, беспощадная молва будет обзывать «агенткой Вильгельма». Но конечно же не эти личные антипатии стали причиной разлада русско-германских межгосударственных отношений.

Кайзер последовательно отстаивал близкую и сердцу русского царя идею о необходимости тесных, дружественных отношений между Германией и Россией. Николая II не надо было в этом убеждать. Но то, что конкретно предлагал «дорогой Вилли» для достижения этой «жизненно важной цели», в большинстве случаев не соответствовало геополитическим приоритетам, интересам России. Для «истинного сближения», по замыслу кайзера, Россия должна была дезавуировать союз с Францией, отказаться от всякого сближения с Англией и обратить свое главное внимание на Восток, в Азию, откуда Европе якобы угрожала «желтая опасность». Это был излюбленный мотив Вильгельма II, который из его уст звучал постоянно.

Правда, оставался «балканский узел», где у России имелись давние интересы, старые привязанности, исконные исторические цели. На Балканах усилению позиций России с конца XIX в. противодействовала не столько Турция, но в первую очередь Австро-Венгрия, ближайший партнер и союзник Германии. Для Берлина же теснейший альянс с Веней являлся краеугольным камнем всей внешнеполитической деятельности. Балканскую тему германский император старался не развивать в своих переговорах и переписке с царем, прекрасно зная, что она для России является чрезвычайно острой и больной. Но «предать забвению» этот важнейший клубок европейских противоречий не удалось, и именно события на Балканах стали детонатором Первой мировой войны.

Ухищрения германского императора не оказывали существенного влияния на русский внешнеполитический курс, одним из важнейших постулатов которого было поддержание, насколько возможно, добрососедских отношений с Германией. Но подобное было возможно лишь при совместных усилиях обеих стран. В Берлине же твердо были уверены, что при сохранении союзнического договора с Францией Россия не может рассчитывать на дружбу Германии. Противоречия же между ней и Францией были непреодолимы, так как касались территориального спора о районах Эльзаса и Лотарингии, отторгнутых от Франции во время франко-прусской войны. В Берлине полагали, что принадлежность этих территорий рейху не может служить темой обсуждений, а Париж в самой категорической форме требовал возврата того, что было добыто в результате «военного насилия». В этом были солидарны общественные круги Французской республики.

Лишь один раз, как показалось Вильгельму II, его непрестанные воздействия на царя увенчались успехом, и долгожданная цель – разрушение франко-русского союза – близка к достижению. Это произошло в июне 1905 г., когда во время свидания в финских шхерах кайзер и царь подписали так называемый Бьёркский договор. Общая ситуация для России в тот момент была неблагоприятной. Только недавно, в мае 1905 г., в морском сражении при Цусиме русский флот был разбит, и война с Японией становилась бесперспективной, внутри же страны с каждым днем множилось социальные волнения. На мировой дипломатической сцене дела не были благоприятны. Франция заключила в 1904 г. договор с Англией и не оказала никакой практической поддержки России во время дальневосточного кризиса. Российская дипломатия теряла почву под ногами. В этих условиях царь согласился во время краткосрочного отдыха на яхте встретиться с германским императором, прибывшим в Бьёрке (около Выборга) на своей яхте «Гогенцоллерн».

Ничто не сулило никаких осложнений, и встреча походила на обычную, не раз до того происходившую. Но кайзер считал иначе и решил, воспользовавшись тяжелыми политическими условиями России, сделать не предусмотренный заранее шаг. Он предложил царю подписать союзнический договор с Германией. Это предложение было неожиданным, но сулило выход из дипломатической изоляции. Конечно же сразу возникла тема о союзе с Францией, и кайзер заверил царя, что в дальнейшем к соглашению может присоединиться и Франция. Царь был не настолько наивен, чтобы не знать глубины и остроты франко-германских разногласий, но он полагал, что поддержание мира в Европе соответствует желаниям всех стран, а суще-

ствующие проблемы можно будет урегулировать дипломатическими средствами. И Николай II поставил свою подпись под текстом на листе, который «случайно» оказался в кармане кайзера.

Вскоре после события Вильгельм II в характерной для него напыщенной манере самохваления описал происшедшее. «Хотите Вы это подписать? Это будет очень милым воспоминанием о нашем свидании», – заметил кайзер, после того как царь трижды прочитал предложенный текст. В ответ на это последовал утвердительный ответ царя. Происшедшее далее в каюте русской императорской яхты «Полярная звезда» в изложении германского императора выглядело следующим образом: «Я открыл чернильницу, подал ему перо, и он подписал “Николай”. Затем он передал перо мне, и я тоже подписал. Когда я встал, он, растроганный, заключил меня в свои объятия и сказал: “Благодарю Бога! Я благодарю Вас. Это будет иметь самые благоприятные последствия для моей страны и для Вашей”. Казалось, исполнилось давнее заветное желание «дорогого Вилли». Кайзер не скрывал восторга: «Слезы радости наполнили мои глаза, и я подумал: Фридрих Вильгельм III, королева Луиза, дедушка и Николай I, наверное, смотрят на нас в эту минуту и радуются вместе с нами!»

Что же такое подписали два монарха, что, по мнению повелителя Германской империи, должно было вызвать радость умерших правителей Пруссии и России? В пункте первом говорилось о том, что каждая из сторон обещает в случае нападения на другую сторону прийти на помощь своей союзнице в Европе всеми сухопутными и морскими силами. Далее заявлялось, что страны обязуются не вступать в сепаратные соглашения с противником одной из сторон. При этом Россия брала на себя обязательство не сообщать Франции о подписанном соглашении до его вступления в силу. Лишь затем Петербург получал право оповестить Францию и побудить ее присоединиться к договору. В Бьёркском соглашении был очень важный пункт, предоставлявший России свободу дипломатического маневра. Он вступал в силу лишь после того, как Россия подпишет мирный договор с Японией, перспективы заключения которого в июне 1905 г. были более чем отдаленными.

После того как с соглашением ознакомился русский министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф, а затем, осенью 1905 г., и премьер С. Ю. Витте, они убедили императора отказаться от договора, так как он явно противоречил интересам Франции, которая ни при каких условиях на союз с Германией пойти не могла.

Царь остался верен французскому союзнику и 13 ноября 1905 г. послал Вильгельму письмо, где сообщал о том, что считает необходимым дополнить договор двусторонней декларацией о неприменении статьи 1-й в случае войны Германии с Францией, в отношении которой Россия намеревалась соблюдать принятые договоренности «впредь до образования русско-германо-французского союза». Подобная постановка вопроса была совершенно неприемлемой для Германии, и тонко задуманная интрига потерпела неудачу. Больше попыток заключения русско-германского союза предпринято не было, хотя разговоры о возможности не стихали и в России, и в Германии вплоть до начала Первой мировой войны.

Складывание системы коалиций в начале XX в. не привело и не могло привести к стабильности и долговременному сохранению статус-кво. Имперские амбиции, претензии и интересы ведущих мировых держав вольно или невольно расшатывали хрупкое европейское равновесие, и напряженность постоянно существовала. Главным центром ее являлись Балканы. В начале XX в. здесь три раза возникали ситуации, грозившие перерасти в масштабное столкновение мировых лидеров. Четвертый конфликт интересов в 1914 г. закончился мировой войной.

В 1908 г. возник «Боснийский кризис», когда Австро-Венгрия аннексировала провинции Босния и Герцеговина, населенные сербами. Эти районы формально находились в зависимости от Турции, которая в этот момент пребывала в состоянии хаоса, вызванного революцией. Опасения, что эти территории отойдут к Сербии, стали главной причиной решения венского правительства. Обессиленная, не находившая нигде поддержки Турция начала с Австро-Венгрией переговоры и за денежную компенсацию признала состоявшуюся аннексию.

Другие же страны Балканского полуострова на это согласиться не могли. Особенно сильным возмущением было в Сербии и Черногории – двух государствах, с таким трудом избавившихся от османского порабощения и вновь оказавшихся на передовой линии противостояния мощной экспансии. Эти две страны издавна пользовались покровительством правительства и моральной поддержкой общественных кругов в России. Однако Петербург оказать реальной помощи своим «младшим братьям» в тот период не мог. После недавней Русско-японской войны и внутренней смуты страна еще была слишком слаба, чтобы показывать силу на мировой арене. Дело закончилось устными декларациями, демонстрациями протеста и дипломатическими нотами.

Через четыре года, осенью 1912 г. на Балканах разразился новый кризис, грозивший перерасти в общеевропейскую войну. К тому времени Турция все еще сохраняла обширные владения на Европейском континенте. Ей принадлежала Албания, южная часть Болгарии (Фракия), северные районы Греции (Эпир) и Македония. Турецкое иго было нестерпимым, и в различных пунктах владений все время происходили возмущения, локальные восстания, которые подавлялись турецкими войсками с невероятной жестокостью.

Сопредельные государства давно претендовали на «турецкое наследство». Социальные потрясения в Османской империи, ослабление власти Стамбула на местах, как и очевидная незаинтересованность великих держав в поддержке обреченной империи, объединили устремления балканских государств, решивших силой решить старую проблему.

В октябре 1912 г. Болгария, Греция, Черногория и Сербия начали военные действия. Союзники выставили против общего врага 600-тысячную армию, и уже через несколько дней стало ясно, что Турции надеяться не на что. Ее войска потерпели серию поражений. К началу ноября 1912 г. турецкая армия была почти разбита, и ее остатки укрепились в 40 километрах около Стамбула. Турция просила мира и зывала к европейским державам, которые начали выказывать признаки беспокойства.

Россия не была заинтересована в том, чтобы Болгария, правящие круги которой были настроены антирусски, завладела Стамбулом и стала хозяином черноморских проливов. Петербург в жестких выражениях потребовал от Софии приостановить свое наступление. Австрия и стоявшая за ее спиной Германия не могли примириться с усилением Сербии, и австрийские войска начали концентрироваться на границе. Развитие ситуации внушало тревогу. В декабре 1912 г. воюющие стороны заключили перемирие. В Лондоне открылась конференция послов европейских держав, на которой были выработаны условия мира, фиксировавшие сложившуюся политическую ситуацию на Балканах.

Но в июне 1913 г. в том же регионе разгорелся новый конфликт. Победители в Первой балканской войне недолго оставались союзниками и не могли договориться о приемлемом для всех разделе «турецкого наследства». На этот раз была создана коалиция против Болгарии, объединившая Сербию, Грецию, Черногорию и их «исторического врага» – Турцию. В числе союзников на этот раз оказалась и Румыния.

Каждый из участников коалиции требовал от Болгарии, захватившей обширные районы, территориальных уступок в свою пользу. Болгарский царь Фердинанд I (Кобургский) и его правительство, опираясь на дипломатическую поддержку Берлина и Вены, слышать не хотели об уступках. Болгарские войска первыми напали на сербские и греческие позиции 30 июня 1913 г. В военный конфликт втянулись и другие балканские государства. Болгария сопротивлялась недолго и 29 июля капитулировала. Вскоре в Бухаресте был заключен мирный договор, по которому Болгария теряла значительные территории на юге, западе и севере. Достигнутое равновесие сил на Балканах было временной передышкой, так как результаты двух войн не устраивали и самих непосредственных участников, и их менторов и покровителей в Вене, Берлине, Лондоне и Петербурге. «Балканский узел» не был развязан, и европейские политики это понимали.

России удалось избежать прямой вовлеченности в балканские дела благодаря ответственности дипломатии и позиции самого царя, считавшего, что лучше пойти на уступки, чем рисковать сохранением европейского мира. В то же время, начиная с «Боснийского кризиса», русское общественное мнение, как либеральная, так и консервативная печать, все время ратовали за «реальную помощь братьям-славянам». Председатель Четвертой Государственной думы М. В. Родзянко и лидеры крупнейших думских фракций призывали Николая II вмешаться в войну. Их призывы не возымели действия.

Несмотря на то что война за «турецкое наследство» не переросла в общеевропейский конфликт, напряжение на международной арене не проходило. Германия и Франция уже несколько лет реализовывали обширные программы перевооружения, Россия тоже втянулась в эту мировую гонку. Усиливались националистические тенденции. Весной 1913 г. германский канцлер Бетман-Гольвег, обосновывая в рейхстаге необходимость новых кредитов на армию, заявил, что Германии угрожает «славянская волна». Но он лишь повторял своего кайзера, после Первой балканской войны заявившего, что ему представляется неизбежной «борьба славян и германцев».

В отличие от «дорогого Вилли» русский царь придерживался иного мнения и не считал военный конфликт большого масштаба неизбежным. В мае 1913 г. Николай II прибыл в Берлин на свадьбу дочери кайзера принцессы Виктории-Луизы, вышедшей замуж за герцога Брауншвейгского. Это был последний визит русского монарха в Германию. Царь имел намерение договориться с Вильгельмом II об улучшении русско-германских отношений. Он провел переговоры с кайзером и заявил ему, что Россия готова отказаться от своих претензий на черноморские проливы и согласна оставить Турцию в роли «привратника», если Германия со своей стороны удержит Австрию от политики захватов на Балканах. Реакции на эти предложения в Берлине не последовало, а Вильгельм ограничился разговорами на общие темы.

К началу 1914 г. отчетливо обозначились контуры двух военно-политических коалиций. Среди европейских государств наметилась группировка вокруг основных союзных осей: Берлин – Вена и Париж – Лондон – Петербург. Все шло так, как должно было идти, и изменить судьбы мира могло лишь чудо. Но его не произошло.

§ 2. Начало мировой войны. Ход военных действий

В первой половине 1914 г. политическая обстановка в Европе мало влияла на внутреннюю жизнь России: общественная ситуация оставалась относительно спокойной, экономическое положение стабильным. Русская армия находилась в состоянии реорганизации, которая начинала давать результаты. Начальник германского Генерального штаба генерал фон Мольтке писал в феврале 1914 г., что «боевая готовность России со времени Русско-японской войны сделала совершенно исключительные успехи и находится ныне на никогда еще не достигавшейся высоте».

В начале июля 1914 г. с официальным визитом в Россию прибыл президент Французской республики Р. Пуанкаре. Ему была устроена пышная встреча, символизирующая тесные союзнические отношения между двумя державами. Четыре дня прошли в черед переговоров, парадов, смотров, торжественных приемов и обедов. Франция и Россия продемонстрировали всему миру свои тесные союзнические отношения.

Мировой конфликт начал разгораться 15 июля 1914 г. В тот день Австро-Венгерская империя объявила войну маленькой Сербии. Россия, истари являвшаяся покровительницей славян, приступила 17 июля к мобилизации. В ответ австрийская союзница Германия объявила 19 июля (1 августа) войну России. С этого момента война стала мировой.

Все давно шло к лобовому столкновению, а в июне после убийства в г. Сараево наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда признаки надвигающейся войны

стали вполне различимы. Австрия в ультимативной форме потребовала от Сербии, которая, как не без основания считали в Вене, давала приют партизанам-террористам, выдать зачинщиков и пропустить на свою территорию австрийские войска. Такая постановка вопроса являлась совершенно неприемлемой, и «выяснение отношений» между крупнейшими державами становилось неизбежным.

Царь был возмущен до глубины души злодейским покушением на Франца-Фердинанда. Он целиком разделял негодование Вены и Берлина по поводу этого акта, но не считал, что правительство Сербии виновато и что Австрия может предпринимать репрессалии против нее. И уж тем более не мог допустить разгром и несомненную дальнейшую аннексию этого славянского государства. После покушения почти три недели напряженной работы русского Министерства иностранных дел и его собственная интенсивная переписка с германским императором Вильгельмом II не привели к изысканию приемлемого для всех компромисса.

Последний император не хотел войны. После горького урока Русско-японской кампании он осознавал, что любой вооруженный конфликт неизбежно принесет страдания, что любая неудачная война таит в себе угрозу революционного взрыва. На пути победоносной и быстрой военной кампании много различных препятствий. Начатое незадолго до того перевооружение русской армии было еще в полном разгаре, ее техническая оснащенность и огневая мощь существенно уступали германской. Все это Николай II понимал. Однако пойти на предательство, совершить, по его мнению, такой аморальный поступок и бросить на растерзание дружественную страну, теряя престиж и в России, и в мире, – пойти на это он не имел права. Безысходность диктовала военный выбор, и он был сделан.

Великий князь Константин Константинович со слов Николая II описал события, предшествовавшие началу войны. «19 июля, в День святого Серафима, столь почитаемого Государем, выходя от всенощной, он узнал от графа Фредерикса (министр императорского двора. – А. Б.), с которым для скорости говорил Сазонов (министр иностранных дел. – А. Б.), что у последнего был Пурталес (посол Германии. – А. Б.) с объявлением войны России Германией. При этом Пурталес вручил Сазонову бумагу, в которой содержались оба ответа германского правительства как на случай благоприятного, так и неблагоприятного ответа России относительно прекращения мобилизации. Не знаю, что руководило послом – растерянность или рассеянность. Итак, нам была объявлена война. Государь вызвал к себе английского посла Бьюкенена и работал с ним с 11 вечера до 1 час. ночи. Государь совершенно свободно, как сам он выразился мне, пишет по-английски; но должны были встретиться некоторые технические термины, в которых он не был уверен. Бьюкенен тяжкодум и медлителен. С ним сообщая Государь сочинил длиннейшую телеграмму английскому королю. Усталый, во 2-м часу ночи зашел он к ждавшей его Императрице выпить чаю; потом разделся, принял ванну и пошел в опочивальню. Рука его уже была на ручке двери, когда нагнал его камердинер Тетерятников с телеграммой. Она была от императора Вильгельма; он еще раз (уже сам, объявив нам войну), взывал к миролюбию Государя, прося о прекращении военных действий. Ответа ему не последовало».

Во главе армии был поставлен двоюродный дядя царя великий князь Николай Николаевич (внук Николая I), давно причастный к военному делу: в 1895–1905 гг. состоял генерал-инспектором кавалерии, с 1905 по 1908 г. возглавлял Совет обороны, а затем стал командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. (Через месяц после начала войны Петербург был переименован в Петроград.) Этот Романов был хорошо известен в войсках, пользовался в офицерской среде авторитетом, что и определило его назначение на пост Главнокомандующего всеми вооруженными силами России.

Германия, объявив 19 июля (1 августа) войну России, на следующий день оккупировала Люксембург и 21 июля объявила войну Франции. 22 июля германская армия начала крупномасштабные военные действия, вторгнувшись в Бельгию, нейтралитет которой германский канцлер Бетман-Гольвег назвал «клочком бумаги». В тот же день Великобритания объявила

войну Германии, вслед за тем войну рейху объявили английские доминионы: Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южно-Африканский Союз. Война стала мировой. Уже в 1914 г. на стороне Антанты в нее вступили Япония и Египет, а на стороне центральных держав – Болгария и Турция. Всего в войне участвовали 33 государства.

Общая численность боевых частей в августе 1914 г. составляла: в России около 2,5 млн во Франции – 2,689 млн в Германии – 2,147 млн в Австро-Венгрии – 1,412 млн в Англии – 567 тыс. На вооружении стран Антанты к началу войны находилось около 14 тыс. артиллерийских орудий, 412 самолетов, а у центральных держав – 14 тыс. орудий и 232 самолета.

В первый день войны, 20 июля 1914 г., принимая в Зимнем дворце высших чинов империи, император обратился к ним со словами: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей». Этой клятве Николай II оставался верен все месяцы войны и, вопреки циркулировавшим слухам, всегда был резким противником каких-либо сепаратных переговоров с неприятелем. Императрица Александра Федоровна, будучи наполовину немкой, никаких прогерманских настроений не имела, хотя в Германии осталось несколько близких родственников. Однако именно слухи о предательстве царицы очень способствовали распространению антимонархических настроений в стране и в армии.

В первые месяцы войны порочащих власть слухов слышно не было. Всех объединил единый патриотический порыв. В стране проходили спонтанные манифестации. Многотысячные толпы в разных городах России несли русские национальные знамена, портреты императора, цесаревича Алексея, великого князя Николая Николаевича, иконы. Звучали колокола, служились молебны, а русский национальный гимн «Боже, Царя храни!» исполнялся почти непрерывно.

Почти вся печать заговорила о единстве нации перед лицом германской угрозы. Октябристский «Голос Москвы» писал: «Бывают моменты, когда все партийные разногласия, все “программные вопросы” и “классовые противоречия” должны отойти на второй план... В настоящую минуту в России может быть только одна партия – русская». Ему вторил орган московских деловых кругов «Утро России»: «Сейчас нет в России ни правых, ни левых, ни правительства, ни общества, а есть единый русский народ». Даже кадетская «Речь» заявляла, что в период войны «должны временно ступать наши внутренние задачи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.